

Был островок включён в круговорот
ночей и дней,
зима сменялась летом,
дни солнечные — ветром и дождём.
И так прекрасно было островку
быть частью мира
и всем миром сразу
в объятях синего сверкающего моря.

Маргарет Уайз Браун.

Островок

1

Тино живёт на островке, который можно спутать с крошкой хлеба, упавшей на карту, а чтобы пересчитать его обитателей, достаточно двадцать раз загнуть пальцы на руках. Тино страдает от одиночества. Так происходит почти весь год.

Когда бы Тино ни вышел погулять, ни один ребёнок ему не встретится — только старики с ярко-голубыми глазами. Иногда Тино даже кажется, что за день он видел одного и того же старика несколько раз, но на самом деле ничего подобного, просто все здешние жители похожи друг на друга и выходят на улицу почти всегда в одно и то же время. Однажды Тино посчитал, что он поздоровался с одним и тем же рыбаком одиннадцать раз подряд, но потом у бакалейной лавки, что рядом с церковью, он обнаружил одиннадцать стариков в синих комбинезонах

и кепках. После этого Тино попросил отца свозить его на континент — к офтальмологу, объясняя, что у него со зрением, наверно, что-то серьёзное, вроде ужасного косоглазия, из-за которого всё, что он видит за день, у него в глазах трюится. Но отец не повёз его к врачу, ведь всё, что Тино видит, в реальности так и есть.

Это особая, стариковская реальность.

На острове почти все люди на одно лицо.

И Тино, чтобы не огорчаться, разговаривает с птицами:

— Привет, чаечка!

- Кья-кья?
- Хорошо, спасибо!
- Кья-кья?
- Нет, просто вышел пройтись, так, гуляю.
- Кья!
- Ну да, ты права.

Обычно Тино возвращается домой не очень довольный этой беседой.

На острове, где живёт Тино, всего одна школа, а в ней — один класс. Когда учительница проводит переключку, чётко произнося имена всех шестерых детей на острове, и очередь доходит до Тино, он даже ухом не ведёт — неохота. Он не особенно любит школу. Под настроение он отлично может вообразить себя пиратом, индейцем, исследователем-первопроходцем или отчаянным головорезом, но вот усердным учеником — никогда.

На перемене Тино не играет с остальными пятью детьми, а следит за школьными воротами. Он ждёт: вдруг в них кто-то войдёт. Кто-то новый и незнакомый.

Тино держит ушки на макушке. Он знает, что в один прекрасный день *что-нибудь всё-таки случится.*

Вечером перед сном мальчик рассказывает об этом маме.

— Но что может такого особенного случиться? — допытывается она.

— Например, кит, огромного кита может выбросить на берег! — отвечает он.

— Но киты здесь не водятся.

— Может, высадится золотоискатель!

— Золота здесь тоже нет.

— Ну, может, я найду в чаще папоротников оленя-карибу.

— Это невозможно, его бы уже обнаружили. Тут только кролики да несколько свиней.

— Завтра утром я найду на пляже выброшенную морем бутылку. А внутри — признание в любви, и может, так выйдет, что морская вода размочит подпись...

— Меня бы это удивило, — заключает мама, взъерошивая сыну волосы.

Всю ночь в комнате Тино не гаснет лампа, а самого мальчика мучают ужасные сомнения.

Что, если завтра в очередной раз ничего не произойдёт?

И в самом деле, назавтра он не обнаруживает ничего интересного ни под кроватью,

ни за окном, ни в школе, ни в своём портфеле,
ни в почтовом ящике, ни на дне своего стакана
с яблочным соком, ни на корабле, бросившем
якорь в порту, ни на отплывающем корабле,
ни в буквах собственного имени.

Сегодня ничего нового.

Даже автомобиль не проедет.

Одни тележки,

Которые везут старики

С голубыми глазами.

Вот так картина!

Тино решает отправиться в экспедицию
по скалам — он представляет себе, как спа-
сёт людей, потерпевших кораблекрушение, или
поможет судну с грузом сокровищ подойти
к берегу, но уже через несколько минут маль-
чику всё это надоедает: ни тонущих, ни сокро-
вищ не видно. Потому что вокруг вообще нет
никого, с кем можно было бы поиграть.

На следующий день в школе Тино слушает собственное дыхание.

Оно колышется, как волны, как травинка, которую раскачивает ветер.

Туда-сюда.

Колышется туда-сюда, как волны, пока учительница не объявляет, что завтра на остров приедут двадцать два школьника, у них будет экскурсия на природу.

— На эти несколько часов вы станете их экскурсоводами. Покажете им скалы и рыб, папоротники и маяк. Я рассчитываю на вас. Они специально приедут с континента! Им интересно узнать, каково это — жить на острове!

Сердце Тино вмиг раздувается до невероятных размеров и ревёт, словно гоночный автомобиль на полной скорости. Все дети вопят

от восторга. Учительнице приходится похлопать в ладоши, чтобы добиться тишины.

В голове Тино звучит одно лишь слово: завтра! завтра! завтра! завтра!

Тино несётся домой и мимо чаек пробегает почти со скоростью света.

— Кья?

— Некогда болтать, девчонки, я спешу! — отвечает мальчик.

— Кья...

На кухне мама предлагает ему лимонад и спрашивает, не хочет ли он блинчик.

Тино не хочет. Он не хочет вообще ничего, будто что-то съедает его изнутри, но мама старалась, чтобы его порадовать, и он не может ей отказать.

С лимонадом он справляется, а вот с блинчиком дела обстоят хуже: он не способен проглотить больше одного кусочка.

— Мам? — говорит мальчик.

— Что, милый?

— Наверно, завтра всё уже случится.

— Что завтра случится?

— Не знаю. Та штука, которой я жду.

Он думает о ките, золотоискателе, карибу и выброшенной морем бутылке, но не хочет тревожить маму.

Проснувшись утром, Тино выбегает из дому в пижаме, и, как всегда, ему надо немного пройтись, чтобы посмотреть на море и небо и замерить длину своей тени. В солнечные дни на дороге, ведущей к маяку, она растягивается на несколько метров. Тень минует папоротники и сбегает вниз, к скалам. Там останавливается и ныряет в море. Но сегодня очень холодно, а ветер — такой сильный, что обитателям острова еле-еле удаётся захлопнуть двери в свои дома. Ветер заплёвывает пеной прибрежные скалы. Солнце, кажется, скрылось навеки.

Мальчику страшно: он слышит вдали рокот бури.

— Тино, скорее домой! — кричит мама, выскакивая ему навстречу с накидкой от дождя. — Ты с ума сошёл? Не видишь, какая сегодня погода?

У Тино ёкает сердце: пробегающий мимо их дома толстый господин выкрикивает:

— Надеюсь, у вас есть запас еды, корабля сегодня не будет! И свежую газету опять не привезут!

— Мы почти привыкли! Ох уж эта буря! — восклицает в ответ мама, торопясь войти в дом.

Дети сегодня не приедут: останутся на континенте. Тино чудовищно разочарован. Он затыкает уши, но буря просачивается внутрь и подхватывает его сердце, как комок бумаги, брошенный на тротуар.

Мальчику очень грустно. Он вспоминает толстое пузо того господина — настолько огромное, что Тино, кажется, мог бы целиком в нём поместиться. Он вспоминает школьные ворота. Вспоминает лимонад. Его охватывает отвращение, его тошнит, почему — непонятно.

Едва оказавшись в классе, ещё до того, как учительница начала переключку, мальчик громко и чётко спрашивает:

— Они приедут? Они скоро приедут?

Учительница подходит к Тино и кладёт ему руку на плечо:

— Конечно приедут. Завтра, когда погода улучшится и кончится буря. Корабль придёт, и дети на нём, и ты покажешь им всё, что тебе нравится на острове и что ты считаешь самым красивым.

Тино в эту минуту чувствует себя волной, бьющейся о берег, маленькой волной, которую плещет туда-сюда. Она отбегает и снова катит к берегу. Слышно, как снаружи в узких улочках

завывает ветер. А волна всё плещет и плещет. Глаза у него слипаются. Он устал. Ему кажется, что он ждёт уже целую вечность.

И Тино думает уже только о том, как бы поскорее настало завтра. Никогда ещё ожидание не было столь мучительным. Классные часы похожи на гусеницу, они идут так м.е.д.л.е.н.н.о. Тино хочется вопить от нетерпения.

Он идёт домой, чайки разволновались:

— Кья? Кья?

— Нет, они не приехали.

— Йааааа...

Тино пожимает плечами, ему не хочется рассказывать о сегодняшнем дне. Буря унялась, ветер задувает за шиворот, ерошит волосы, но больше ничего страшного не происходит. Ни ураганных порывов, ни распоясавшихся волн, вздымающихся, чтобы плеснуть водой в лицо.

Впереди, на дороге, ведущей к маяку, он видит двух своих одноклассников, Реми и Офелию. Тино идёт не спеша: ему не хочется догнать их и с ними разговаривать. Правда, зачем? У Офелии в волосах две чёрные заколки, а Тино терпеть не может, когда девочки носят две чёрные заколки. Реми, идя рядом с ней, изо всех

сил машет руками, а Тино уж точно совсем не радуется, если Реми идёт рядом с девочкой, даже если это девочка с чёрными заколками.

Тино вообще мало кто нравится.

Может, поэтому он и чувствует себя одиноким.

Ко всему прочему, он живёт на острове, вот это настоящее невезение.

Реми и Офелия оборачиваются, но Тино делает вид, что не замечает их, внезапно погружившись в созерцание собственных ботинок.

— Эй, Тино! — кричат они.

Деваться мальчику уже некуда, и он поднимает голову:

— Что?

— Что ты будешь завтра показывать тем, другим детям?

— Не знаю, — отвечает он. — Тут не очень-то много интересного.

— Хи-хи, что-то странное ты говоришь, Тино! А со стороны похоже, что тебе очень даже нравится бродить в папоротниках или к часовой ходить! — кричит Офелия.

— Не знаю, мне пора идти, — отрезает Тино.

Открывая свою голубую калитку, он слышит за спиной голос Реми:

— Какой-то он странный, никогда не говорит нормально — ну как мы.

Дело не в этом, думает Тино. Всё сложнее, но у него не получается объяснить как следует. Он просто хотел бы увидеть что-то необычное. Например, чтобы из-за старого маяка появился пират Рыжая Борода. Или Борода какого угодно другого цвета: он готов потерпеть и Розовую, и даже Малиновую.

Иногда Тино кажется, что люди, остров и всё, что на нём есть, уменьшаются по мере того, как растёт он сам. Ему страшно: а что, если пройдёт ещё лет пять и всё станет совсем крошечным?

